

**МАТЕРИАЛЫ
И СООБЩЕНИЯ**

**К ВОПРОСУ О РЕКОНСТРУКЦИИ ФОРМ ЗАВИСИМОЙ
ПРЕДИКАЦИИ В АВСТРОАЗИАТСКИХ ЯЗЫКАХ**

© 2008 г. Т. Г. Погибенко

В статье рассматриваются производные с носовыми инфиксами, которые обнаруживаются во всех группах австроазиатских языков, где они в большинстве случаев выступают как отглагольные имена. Выдвигается предположение, что эти инфиксальные производные восходят к формам зависимой предикации, которые в праязыке выступали в позиции зависимого предиката в полипредикативных конструкциях различных структурных типов и которые впоследствии были вытеснены аналитическими формами зависимой предикации с показателем **ta*. В языках-потомках аналитические формы зависимой предикации были вытеснены на периферию новыми, дифференцированными средствами связи – союзами, связками, предлогами, оставив лексикализованные и грамматикализованные рефлексy разных типов.

The article deals with the words containing nasal infixes which are found in all groups of Austroasiatic languages mostly as nouns derived from verbs. It is suggested that those derivatives go back to proto-Austroasiatic forms of dependent predication which were used in multiverb constructions of different types. Later on those forms were replaced by analytical forms with the marker **ta*. In the descendant languages analytical forms of dependent predication were driven to the periphery by new, differentiated grammatical means, that is conjunctions, copulas and prepositions having left behind lexicalized and grammaticalized reflexes of different types.

1. Австроазиатская семья языков

Австроазиатская (АА) семья языков – одна из наименее изученных языковых семей мира. Исторически АА языки доминировали в регионе Юго-Восточной Азии до прихода туда тайцев, бирманцев, малайцев. Сейчас они разбросаны на огромной территории, простирающейся от восточных районов Индии до восточных берегов п-ова Индокитай, от китайской провинции Юньнань до южной оконечности п-ова Малакка, а также на ряде островов Индийского океана. По приблизительным оценкам, в АА семью входит 150–160 языков¹, общее число говорящих доходит до 84 млн. Из всех АА языков только кхмерский и вьетнамский являются в настоящее время государственными языками, исторически государственным языком был также монский. Письменную традицию имеет язык кхаси, остальные – это языки национальных меньшинств, проживающих на территории Индии, Китая, Мьянмы, Таиланда, Лаоса, Вьетнама, Камбоджи, Малайзии. Количество говорящих на некоторых негосударственных АА языках доходит до нескольких миллионов (сантали), однако есть языки, на которых говорят всего несколько семей (малый млабри). Кхмерский и монский имеют эпиграфические письмен-

ные памятники: монский с VI по XVI вв., кхмерский – с начала VII по XIV вв.

До сих пор нет единого мнения относительно того, на сколько ветвей распадается АА семья, имеет ли она три ветви – мунда, никобарские, мон-кхмерские (МК) – или же мон-кхмерские и никобарские языки составляют одну ветвь. Нет также единого мнения относительно внутренней классификации МК семьи. Так, в классификации Ж. Дифлота 1974 г. [1, с. 480–484] МК языки распадаются на три ветви: восточную (кхмерский, пеарические, бахнарические, катуические, вьетские), северную (кхаси, палаунгические, кхмуические, манг), южную (монические, аслийские, никобарские).

АА семья языков представляет большой интерес в плане типологической классификации. Распад этой семьи сопровождался значительными миграциями, в результате чего разные группы АА языков оказались в зоне влияния разных языковых семей: дравидийских, индо-арийских, андаманских, австронезийских, китайско-тибетских (китайского, тайских и тибето-бирманских), кадайских и гималайских языков. Типологическое разнообразие АА языков впечатляет. Здесь, прежде всего, обращают на себя внимание два типологических полюса. На одном полюсе – вьетнамский язык, с порядком слов SVO и постпозицией определения, который обладает всеми атрибутами изолирующего языка – такими, как моносиллабизм, тоны, морфологическая значи-

¹ Эта цифра занижена, поскольку по мере изучения АА языков выясняется, что некоторые таксономические единицы, которые ранее было принято считать диалектами, теперь считаются отдельными языками.

мость слога деления, отсутствие словоизменительных морфологических категорий, необязательность выражения грамматических значений, преобладание паратаксиста над гипотаксистом, особенно в разговорных вариантах языка, грамматическая значимость порядка слов, слабое противопоставление знаменательных и служебных слов. На другом типологическом полюсе – языки мунда, агглютинативно-флективные с элементами полисинтетизма, с порядком слов SOV и препозицией определения, которые обладают сложной системой глагольного словоизменения (в мундари 4 залога, 4 наклонения, 21 видовременная форма), имеют категорию падежа (которая выражается послелогом), прономинальное объектное и субъектное спряжение (в объектном спряжении различаются до трех типов объектов). Все остальные АА языки располагаются между этими двумя полюсами со сдвигом к первому полюсу. Никобарские языки значительно отличаются от МК языков полисиллабизмом словоформы и агглютинативным характером морфологии. Все остальные МК языки либо моносиллабические, либо с ярко выраженной тенденцией к моносиллабизму, типологически они являются языками изолирующего строя и различаются между собой только степенью моносиллабизма, наличием/отсутствием тонов, все они имеют порядок слов SVO и постпозицию определения. Аслийские языки отличаются от других МК языков наличием системы синтетических видовых форм и субъектного спряжения, наподобие субъектного спряжения в мунда. В аслийских языках также отмечаются варианты МК порядка слов SVO – OVS, VSO.

Разные группы АА языков развивались в разных, в том числе прямо противоположных, направлениях: от бурного наращивания новой агглютинативной морфологии в языках мунда и, отчасти, в никобарских до стремительного движения в сторону моносиллабизации словоформы и изоляции в остальных АА языках. Предельным этапом движения в сторону изоляции является вьетнамский язык, который, став последовательно моносиллабическим и изолирующим, теперь оказывает влияние на другие МК языки Вьетнама, ускоряя ход их развития в этом направлении². Другие МК языки находятся на разных этапах развития в сторону изоляции.

Несмотря на различия, все АА языки сохранили в той или иной мере рефлексы исконной АА морфологии – префиксы и инфиксы, которые в одних языках стали словообразовательными и непродуктивными, а в других языках подверглись

² В МК языках малых народов Вьетнама исконные синтетические формы с префиксами и инфиксами часто заменяются аналитическими формами с показателями, заимствованными из вьетнамского языка.

дальнейшему развитию, что привело к созданию новых грамматических парадигм на базе новых категорий. Префиксы и инфиксы всегда были яркой отличительной чертой АА языков, несмотря на то, что в подавляющем большинстве они не являются ни продуктивными, ни регулярными. Тем не менее, исследователи с надеждой смотрели на АА инфиксы и префиксы, полагая, что они представляют собой остатки некогда богатой морфологии. Задолго до того, как АА префиксы и инфиксы были тщательно изучены, они стали критерием генетической принадлежности к АА семье языков.

2. Формы зависимой предикации в АА языках

Предметом исследования данной статьи являются общие для всех АА языков производные, содержащие рефлекс протопрефиксов **-n-* (*n-*), **-m-* (*m-*), **-mn-*³. В современных АА языках эти производные имеют разную степень продуктивности. Обычно они являются отглагольными именами (действия, агенса, пациенса, инструмента, места), но во многих языках они отмечаются как прилагательные, наречия и служебные слова (грамматические показатели, союзы, предлоги). При помощи этих же инфиксов в АА языках образовывались имена от имен (имена общие, классификаторы). То, что инфиксы отмечались во всех частях речи, как полнозначных, так и служебных, всегда было непреодолимым препятствием для исследователей АА аффиксации.

В статье выдвигается предположение, что инфиксы **-n-* (*n-*), **-m-* (*m-*), **-mn-* восходят к маркерам форм зависимой предикации (ЗП). Эти формы занимали центральное место в грамматической системе протопрефиксов АА языка и языков-потомков на том этапе развития, когда в них преобладал паратаксист и гипотаксист с недифференцированными средствами связи, которые маркировали только отношение “ядро–периферия”⁴. Также предполагается, что уже на протопрефиксовом уровне помимо синтетических инфиксальных форм ЗП существовали аналитические формы с маркером **ta*.

Первым предположение о том, что в древнекхмерском (ДКМ) слова с инфиксами *-m-* и *-mn-* не во всех случаях можно квалифицировать как существительные, высказал Лонг Сеам [3,

³ Общим для АА языков является то, что инфиксы иногда выступают в форме префикса с моносиллабическими корнями.

⁴ Это конструкции, в которых зависимые предикации разных семантических и структурных типов маркируются одинаково. В научной литературе конструкции данного типа иногда обозначаются термином “клаузальные цепи” (clause chaining), они распространены во многих языках Африки, Южной и Северной Америки, Новой Гвинеи и Азии [2].

с. 14]. В частности, он считал, что в ДКМ *-m-* является субъектным маркером, а *-mn-* показателем пассива.

Система этих форм во всех группах АА языков распалась, оставив рефлексy разных типов. Синтетические формы подверглись либо лексикализации, либо грамматикализации. В первом случае в современных языках они оставили рефлексy в виде знаменательных слов – существительных, классификаторов, прилагательных, наречий. Во втором случае они оставили рефлексy в виде служебных слов – предлогов, союзов, грамматических показателей. Что касается аналитических форм ЗП, то их история во всех группах АА языков в основном связана с тем, что резко сокращалась их функциональная сфера. Они вытеснялись другими грамматическими средствами: личными местоимениями, союзами, связками, предлогами, поэтому, как правило, они оставляли рефлексy только на периферии своей функциональной сферы, что делает их возведение к одному показателю весьма затруднительным. Они также оставили рефлексy в виде падежных маркеров косвенно-объектных именных групп. Их рефлексy также отмечают как маркеры коммуникативной структуры предложения – маркеры тематизации, сдвига ремы, эмфазы. Они выделяются в составе различных союзов и частиц.

Лексикализованные рефлексy синтетических форм ЗП более или менее одинаковы во всех группах АА языков, что свидетельствует о том, что процесс их лексикализации и, возможно, грамматикализации начался еще в праязыке, задолго до разделения на отдельные группы. Напротив, рефлексy аналитических форм ЗП функционально разнородны, что свидетельствует о том, что пласт аналитических форм более поздний.

Формы ЗП являются центральным компонентом грамматической структуры АА праязыка, они также являются стержневым компонентом в диахронии АА языков, поскольку именно в этой сфере происходили самые важные структурные преобразования и продвижение АА языков по пути развития гипотаксиса и синтаксической компрессии полипредикативных структур.

Обсуждаемая проблематика важна для уточнения генетических связей и типологической характеристики прото-АА языка. До сих пор генетическая классификация АА языков базировалась на результатах лексикостатистики и фонологической реконструкции, морфологическая реконструкция могла бы внести уточнения в существующую классификацию. Кроме того, правильный морфологический анализ АА слов важен для глоттохронологических подсчетов и для фонологической реконструкции. Несмотря на то, что с самых ранних этапов выделения и изу-

чения АА семьи все исследователи обращали внимание на наличие общих префиксов и инфиксов, до сих пор проблема морфологической реконструкции не ставилась в научных работах. Так, характерно высказывание Ж. Дифлота: “Сравнивая мон-кхмерские языки, в особенности такие отдаленные друг от друга члены этой семьи, как кхаси, кхму или семай, мы видим, что прото-мон-кхмерский язык обладал богатой и, возможно, имевшей регулярный характер продуктивной морфологией. Однако до сих пор очень мало сделано в плане ее точной и аккуратной реконструкции” [4, с. 263]. Кроме того, в АА языкознании существует неправильное, на наш взгляд, мнение, что морфологическая система АА праязыка во многом была похожа на морфологическую систему языков мунда. Это предположение естественно вытекает из того факта, что из всех АА языков именно языки мунда обладают развитой морфологией. Так, Г. Пиннов предполагал, что языки мунда унаследовали и дальше развили прото-АА морфологическую систему [5]. Нам представляется, что богатая морфологическая система языков мунда развилась после их раннего отделения от праязыка. Их грамматическая структура стала быстро мигрировать в сторону другой типологии, в частности, вследствие тех кардинальных изменений, которые произошли в силлабо-тонической структуре слова [6].

Говоря о слабой степени изученности в сравнительно-историческом аспекте АА аффиксации, следует отметить объективные трудности, с которыми сталкиваются исследователи. АА языки представляют собой тип языков, для которых теоретическая лингвистика не выработала адекватных общих принципов описания. За пределами возможностей теоретической лингвистики остается выделение, понимание и описание многих явлений грамматической структуры АА языков. Достаточно назвать такие явления, как характер противопоставления частей речи, характер грамматических категорий, большая, нежели в традиционно изучаемых языках, ориентированность языковой структуры на прагматические аспекты высказывания и структуру дискурса, меньшая, по сравнению с известными языками, синтаксическая сжатость конструкций, что делает их несопоставимыми с соответствующими конструкциями других языков. Отсутствие общетеоретических ориентиров существенно затрудняет понимание, описание и реконструкцию развития грамматических единиц АА языков. В результате, нередки случаи, когда одни и те же грамматические явления описываются по-разному, вплоть до несопоставимости этих описаний, и это зависит от того, в какую из существующих теоретических парадигм, выработанных на материале традиционно изучаемых языков, помещается то или иное явление

ние, вырванное из контекста АА языка. Кроме того, типологическая дистанцированность отдельных групп языков внутри АА семьи и отсутствие общей фонологической реконструкции делают сравнительно-историческое изучение морфологии затруднительным.

Сравнительно-историческое изучение АА аффиксации необходимо и для синхронных грамматических описаний языков. Это, на первый взгляд, может показаться не столь очевидным, но точность описания грамматических явлений в современных языках во многом зависит от той диахронической парадигмы, в которую помещается то или иное конкретное явление грамматической структуры АА языка.

3. Формы зависимой предикации в древнекхмерском

Язык древних кхмерских надписей предоставляет в распоряжение исследователя уникальный материал, поскольку здесь представлены, хотя и в разной степени, три типологических состояния, последовательно сменявших друг друга. В ДКМ мы находим свидетельства последовательной смены трех стратегий маркирования: инфиксальные формы ЗП, аналитические маркеры ЗП *ta*, *ti* и семантически дифференцированные средства связи – союзы. Здесь мы можем наблюдать последовательное наложение этих трех стратегий. Так, маркер *ta*, с одной стороны, выступает в комбинации с инфиксальными формами, а с другой стороны – в комбинации с союзами. Приведем примеры параллельного функционирования синтетических и аналитических форм ЗП⁵:

(1) *ge ta tap gui ge c-m-er ājñā ge daṅḍa* ‘Те, кто препятствуют (букв. ‘*ta* препятствовать’), те, кто нарушают (букв. ‘*m*-нарушать’) указ короля, будут наказаны’ (К 940).

(2) *nak ta p-am-re kaṅnuñ ka vraḥ dvār* ‘служители (букв. ‘человек *ta am*-служить’) в Врах Двар’ (К 415)

Синтетические и аналитические формы ЗП параллельно выступают в аппеллятивах рабов, например: *vā ta ac* (К 38) от *ac* ‘могущественный’; *vā kanac* (К 129) от *kac* ‘злой’.

В ДКМ маркер ЗП *ta* отмечается в определенных конструкциях разных типов, в том числе посессивных, аппозитивных и счетных, в конструкциях с предикатными актантами (КПА), в сериальных конструкциях, в конструкциях с сентенциальным сказуемым, в координативных конструкциях, а также в сентенциальных сирконстантных ЗП (времени, образа действия, причины, цели). Кроме того, в ДКМ маркер ЗП марки-

рует абсолютную вершину в предложениях со сдвинутой ремой.

Предложения со сдвинутой ремой в ДКМ получаются в результате маркировки абсолютной вершины маркером ЗП *ta*, связкой тождества *gi* или их комбинацией *gi ta*, при этом глагольная группа может не продвигаться в позицию начала. Например:

(3) *nak ta pradhāna ta noḥ deṅa noḥ noḥ gi ta paripālana* (К 351) ‘Знатные люди этой страны, (вот кто) хранит (букв. ‘*ta* сохранять’) его’.

В ДКМ *ta* выступает не только как маркер ЗП, но и как маркер косвенно-объектных и сирконстантных именных групп. Такое употребление, возможно, отражает тот факт, что ИГ таких типов являются свернутыми пропозициями. Конфигурация этих двух функций маркера *ta* повторяется и в других АА языках. В ДКМ *ta* может выступать в комбинации с новыми предлогами, например: *sre amvi ta poñ vinayakīrtti* ‘рисовое поле от (букв. ‘*amvi ta*’) Поня Винайакирти’ (К 910).

Исконные инфиксальные формы ЗП в ДКМ в основном выступают как уже лексикализованные единицы, чаще всего – как имена, но есть достаточно много случаев лексикализации и в другие части речи. Приведем пример формы ЗП, которая в ДКМ оставила лексикализованный рефлекс в виде наречия, а в современном кхмерском – в виде прилагательного: кхмер. *tumṅəp* ‘современный’, ДКМ *damṅep* ‘недавно, в последнее время’ (К 56).

4. Рефлексы форм зависимой предикации в современном кхмерском

В современном кхмерском языке рефлексы исконных инфиксальных форм ЗП отмечаются как существительные, прилагательные, наречия, служебные слова, т.е. как лексикализованные или грамматикализованные рефлексы. Есть много случаев, когда одна и та же исконная форма ЗП лексикализуется в разные части речи, например: *kmrvv* ‘редкое явление’, ‘трудность’; ‘с трудом’, ‘редко’ от *krvv* ‘бедный’, ‘редкий’, ‘достающийся с трудом’. Как наречие *kmrvv* выступает в разного рода устойчивых выражениях и нередко сопровождается новыми маркерами связи *daou* и *tae*, которые вводят обстоятельства образа действия, например: *miən daou kmrvv* ‘быть большой редкостью’ (букв. ‘иметь(ся) *daou m*-редкий’), *kmrvv tae ceh bntec* ‘знать очень мало и поверхностно’ (букв. ‘*m*-редкий *tae* знать немного’). Некоторые формы ЗП лексикализировались только как наречия, например: *khmæt* ‘старательно, усердно’ от *khət* в *khət khəm* ‘прилагать усилия’, *khriəw* ‘гурьбой, толпой’ от *khriəw* ‘подцеплять, поддевать’.

⁵ Примеры из ДКМ даются в транслитерации; “К” указывает на источник [7]; цифры обозначают номер надписи в данном источнике.

Многие лексикализованные формы ЗП в современном кхмерском языке употребляются только атрибутивно, этим они отличаются от первичных, производных прилагательных, составляющих вместе с глаголами класс предикативов. К таким прилагательным относится *dvmnaal* ‘идентичный, тождественный’ от *daal* ‘распространяться’, например: *aaui? dvmnaal khniə* ‘быть одного возраста’ (букв. ‘возраст одинаковый вместе’), *təw dvmnaal khniə* ‘уйти в одно время’ (букв. ‘уходить одинаковый вместе’).

Многие формы ЗП лексикализовались как имена с разными значениями, например: *kvmnrh* ‘обвиняемый’, ‘вызов в суд’ от *kvh* ‘вызывать, созывать’; *kvmnao* ‘обритый человек’, ‘обритая голова’, ‘парикмахер’ от *kaə* ‘брить’; *kvmnan* ‘возлюбленный’, ‘староста’ от *kan* ‘крепко брать, крепко держать’; словосочетание *baw kvmnan* ‘вассал’ (*baw* ‘слуга’) дает ключ к пониманию того, каким образом одна форма ЗП могла лексикализоваться с разными значениями.

Некоторые синтетические формы ЗП в современном кхмерском грамматикализовались, например: *svtrəh* ‘(союз) что касается’ от *svtrəh* ‘направляться к’; *svtnaek* ‘(союз) что касается’ от *saek* ‘делить’; *tumrəam (tae)* ‘(союз) пока, пока не, до тех пор’ от *trəam* ‘терпеть’; *kvmruŋ* – показатель продолженности, в ДКМ эта форма еще отмечается как форма ЗП (К 728). Есть случаи, когда одна и та же форма зависимой предикации дала и лексикализованный, и грамматикализованный рефлекс, например: *svtniəh* ‘замена’, ‘(предлог) вместо’ от *siəh* ‘заменять’.

Мы полагаем также, что в современном кхмерском языке рефлексом форм ЗП являются “связанные” формы ЗП – инфиксальные производные, которые в позиции зависимого предиката выступают вместо простого производного слова. Так, например, у слова *tumŋiəp*, образованного от *ŋiəp* ‘тяжелый’ в словарях отмечаются значения ‘тяжесть’ и ‘быть беременной’. Однако инфиксальная форма отмечается и со значением ‘тяжелый’ тоже, но только в позиции зависимого предиката, например:

(4) *təək təd əwruk miə dael kvmruŋ miən sntŋiŋi siə t-um-ŋiəp* ‘Приехал навестить дядю, который тяжело болен’ (букв. ‘иметь болезнь *siə um-тяжелый*’) (Конг Пончиен).

Характерно, что в данном примере связанная форма ЗП маркируется новым маркером ЗП *siə*, который вводит качественные определения. Приведем другой пример, где вместо слова *cah* ‘старый’ выступает *svtnah*, которое в словарях отмечается только как имя ‘старость, дряхлость’:

(5) *pèel nuh srəp tae miən borəh c-vmn-ah mnəək baan daə təək cuət* ‘Тут вдруг подошел какой-то пожилый (букв. ‘*vmn-старый*’) мужчина’ (Конг Пончиен).

Таких случаев немотивированного употребления инфиксальных форм вместо простых достаточно много. Граматики и словари это явление не отмечают. Мы предлагаем рассматривать эти случаи как рудименты форм зависимой предикации. В работе [8] находим примеры использования таких форм при образовании новой научной терминологии: *piək kvmlaay* ‘производное слово’ (букв. ‘слово *vm*-изменять’) и *piək kvmseu* ‘заимствование’ (букв. ‘слово *vm*-занимать’).

Итак, гипотеза о происхождении инфиксальных производных от форм зависимой предикации дает простое объяснение той аномалии, что одни и те же инфиксы обнаруживаются в разных частях речи, в том числе – в служебных словах. Эта гипотеза также позволяет объяснить случаи немотивированного использования производного слова вместо простого производного, которые часто отмечаются в кхмерском.

В современном кхмерском языке аналитические формы с *ta* оставили мало рефлексов. Рефлексом маркера *ta* является служебное слово *dvv*, которое используется при предикативных определениях, т.е. таких, синтаксический статус которых не соответствует их коммуникативному статусу. Можно также отметить отдельные случаи лексикализации форм ЗП, например *dvdael* – ДКМ *ta tel* ‘тот же самый’. Есть случаи, когда *dvv* выступает вместе со “связанной” формой ЗП, например:

(6) *sat svnrət dvv c-vmn-ah nuŋ prvkvəp daoy kate? bəndət nih dvvək dvŋhaəm daoy kvŋvəl* ‘Старый (букв. ‘*dvv vmn-старый*’), умный Сверчок тяжело вздохнул’ (А. Толстой).

5. Рефлексы форм зависимой предикации в других АА языках

Приведем некоторые примеры рефлексов форм ЗП в АА языках. В языках мунда есть отглагольные имена, содержащие рефлексы АА инфикса *-n-, например: сантали *onosar* ‘ширина’ от *osar* ‘широкий’. В сантали таких рефлексов немного, здесь новые продуктивные суффиксы образуют имена от глаголов [9]. В языке сора рефлексы инфикса *-n- обнаруживаются в именах с объектной и процессуальной семантикой, например: *tanid* ‘битье’ от *tid* ‘ударять’, *ganā* ‘еда’ от *ga’ā* ‘есть’.

В качестве рефлекса АА маркера *ta в языках мунда можно указать суффикс *ta* в сантали, который выступает в двух позициях: в глагольной словоформе перед прономинальными маркерами косвенного объекта и посессора и в одном из пяти типов посессивных ИГ (в котором сохранился АА порядок слов), например: *həpən-ta-m* ‘твой сын’ (букв. ‘сын *ta* ты’), ср. ДКМ *çiŋya ta aŋ* ‘мой ученик’ (К 258D) (букв. ‘ученик *ta* я’).

В кхаси, как и в мунда, новые способы образования имен от глаголов вытеснили старые инфиксальные отглагольные производные [10]. Однако в кхаси отдельные рефлексы инфикса *-n- обнаруживаются в прилагательных, образованных от существительных, например: *kəniaw* ‘старый’ от *kiaw* ‘бабушка’. Возможно, что рефлекс аналогичной деривации выступают во вьетнамском: *kon* ‘ребенок’ – *non* ‘молодой’, а также – в кхариа (мунда): *kənən* ‘молодой’. В кхаси нет следов АА *ta, поскольку новые показатели ЗП *ba* и *ia* выполняют эту функцию.

В палаунг [11] рефлексов синтетических маркеров ЗП нет. Однако здесь отмечаются рефлексы обеих функций прото-АА маркера *ta: маркера косвенно-объектных ИГ и маркера ЗП. Рефлекс первой функции многочисленны и регулярны, рефлекс второй функции рудиментарны и периферийны. *Ta* маркирует различные семантические типы косвенно-объектных ИГ: дативные, локативные, бенефактивные, комитативные. В палаунг маркер *ta сохранился в предложениях с сентенциальным подлежащим, например:

(7) *kəŋ miŋ aŋ kjuu hnoo ta rəxər* ‘Пагоду трудно строить’ (букв. ‘пагода она трудный очень *ta* строить’) (Milne).

В КПА, сериальных и определительных конструкциях языка палаунг используется новая стратегия маркирования – зависимая форма местоимения второго и третьего лица *dee*, в случае первого лица конструкции остаются паратактическими, без показателей связи, и только в отдельных случаях в них выступает маркер *ta*. Сравним примеры:

(8) *ə bɛɛ ə rəxər* ‘Я могу работать’ (букв. ‘я мочь я работать’) (Milne).

(9) *ə náp ta rəxər* ‘Я умею работать’ (букв. ‘я знать *ta* работать’) (Milne).

В отдельных случаях употребление *ta* отмечается и в случае ИГ_{СУБ} второго и третьего лица тоже.

Итак, если в ДКМ обе функции маркера *ta* являются одинаково центральными и продуктивными, в палаунг *ta* в функции маркера ЗП вытесняется на периферию другим морфосинтаксическим средством – зависимой формой местоимения *dee*.

Характер рефлексов в никобарских языках по объему и характеру сопоставим с рефлексами в ДКМ. Здесь мы находим лексикализованные рефлексы синтетических форм ЗП и рефлекс *ta как в функции маркера ЗП, так и в функции маркера ИГ. Интересно, что Дж. Вайтхед, характеризуя синтаксис кар-никобарского языка как “ужасную головоломку”, в качестве подтверждения приводит два примера, где, как он полагает, вме-

сто финитных глагольных форм используется в одном случае отглагольное имя, а в другом – атрибутивная форма глагола [12, с. iv-v]:

(10) *ma-chilö hī yin* ‘Они нас обманули’ (букв. ‘*ma*-обманывать нас они’).

(11) *tö-löök ön ngòh tarik* ‘Этот человек хороший’ (букв. ‘*tö*-быть хорошим он этот мужчина’).

Вайтхед приходит к выводу, что такого рода примеры свидетельствуют о том, что в кар-никобарском нет частей речи [12, с. v]. Однако нетрудно видеть, что в обоих случаях мы имеем употребление форм ЗП в предложениях со сдвигом ремы, в первом предложении выступает синтетическая форма, во втором – форма с рефлексом АА маркера *ta. Отметим, что в ДКМ также есть структурный вариант предложения со сдвигом ремы, совершенно аналогичный тому, который представлен в (11), т.е. вариант с продвижением предиката с маркером ЗП *ta* в позицию начала. Например:

(12) *ta nau ta noh velā poñ kularakša* ‘Присутствовал в этот момент – Понь Куларакша’ (К 427) (букв. ‘*ta* находится *ta* тот время Понь Куларакша’).

В аслийских языках в большом числе представлены имена, являющиеся результатом лексикализации исконных форм ЗП, аналогичные рефлексам в других АА языках. Однако особый интерес здесь представляют те рефлексы инфикса *-n-, которые отмечаются в формах имен и классификаторов, выступающих в конструкции с числительным и в конструкции со словом “много”, например: джахай *duwa? nər-ber* ‘два младших брата’ (букв. ‘два *nər*-младший брат/сестра’), *kəm nah-bəh* ‘много фруктов’ (букв. ‘много *nah*-фрукт’) [13]. Аслийские языки – единственные на всем пространстве АА языков, в которых инфиксальные формы получили дальнейшее развитие и грамматикализовались как счетные формы имен и классификаторов. Как можно предполагать, именно этот процесс грамматикализации форм ЗП оставил в языке джахай след в языке нескольких имен со значением множественности, в которых обнаруживаются рефлексы инфикса *-mn- и маркера *ta, например: *mən?ra?* ‘человек’ – *tə-mən?ra?* ‘люди’, *kəd?n* ‘ребенок’ – *tə-kəd?n* ‘дети’, *ĩc?n* ‘ребенок’ – *mi-n-ĩc?n*, *tə-mi-n-ĩc?n* ‘дети одной семьи’ [14].

В других АА языках в счетной конструкции отмечаются только рефлекс маркера *ta. Приведем пример из ДКМ:

(13) *nehh anak ta piy* ‘эти три человека’ (К 216N) (букв. ‘этот человек *ta* три’).

В бахнарических и катуических языках также обнаруживаются рефлекс такого употребления *ta. Они отмечаются в отдельных типах устойчивых сочетаний. Так, в бахнар префикс *tə*- отмеча-

ется с числительными *bar* ‘два’, *peŋ* ‘три’, *piən* ‘четыре’ в тех случаях, когда они выступают в позиции определения к слову *tə* ‘размер’: *tə tə-peŋ* ‘размером в три пальца’, *tə tə-piən* ‘размером в четыре пальца’ [15].

В аслийском языке джахай обнаруживаются также рефлексы маркера ЗП **ta* в прилагательных и указательных местоимениях. Выступая в атрибутивной функции, они маркируются префиксом *t(a)-* [14].

Отметим еще один интересный тип рефлексов форм ЗП в аслийских языках. Так, в семелай обнаруживаются случаи немотивированного употребления отглагольных имен с инфиксом *-n-*, в вопросительных предложениях [16], например:

(14) *ga-te hɔŋ ji s-n-wak* ‘Куда ты идешь?’ (букв. ‘буд. вр.-к где ты *n*-идти’).

Первоначальная мотивировка использования отглагольных производных как форм зависимой предикации в вопросительных предложениях могла быть связана с исходной полипредикативностью вопросительного предложения, синтаксической и/или семантической⁶. О том, что вопросительные предложения могут входить в сферу полипредикативных конструкций, свидетельствуют структурные типы вопросов в других АА языках. Приведем пример из кхмерского:

(15) *kaabour naa tuəu dael nɛək cəŋ baan* ‘Какую сумку ты хочешь?’ (букв. ‘сумка какой один котрый ты хотеть получить’).

Таким образом, немотивированное употребление отглагольных имен в вопросительных предложениях в семелай, немотивированное употребление инфиксальных производных в атрибутивной функции в кхмерском и немотивированное употребление отглагольных имен и атрибутивных форм глагола в предложениях со сдвигом ремы в кар-никобарском – это явления одного порядка, представляющие собой остаточные формы ЗП, сохранившиеся в синтаксических конструкциях определенных типов.

6. Заключение

Сравнительный анализ АА языков позволяет сделать следующие предварительные выводы. В прото-АА существовали два типа маркеров ЗП: синтетические **-n-* (*n-*), **-m-* (*m-*), **-mn-* и аналитический **ta*. На уровне праязыка уже начались процессы лексикализации и, возможно, грамматикализации синтетических форм ЗП. Вытеснение синтетических форм аналитическими тоже, по-видимому, началось на уровне праязыка и про-

должалось в языках-потомках. На уровне прото-семей завершилась лексикализация синтетических форм ЗП, происходило вытеснение маркера **ta* новыми маркерами ЗП, сокращалась функциональная сфера аналитических маркеров ЗП, появлялись специализированные средства связи (союзы). В некоторых прото-семьях произошла утрата аффиксально-производных слов и возникли новые словообразовательные средства.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Diffloth G.* Austro-Asiatic languages // Encyclopaedia Britannica. Chicago; London; Toronto; Geneva, 1974.
2. *Hopper P., Traugott E.* Grammaticalization. Cambridge textbooks in linguistics. Cambridge University Press, 1993.
3. *Лонг Сеам.* Исследования по лексикологии и грамматике древнекхмерского языка (по надписям Камбоджи VI–XIV вв.). М.: Наука, 1989.
4. *Diffloth G.* The Dvaravati Old Mon Language and Nyah Kur. Bangkok: Chulalongkorn University printing house, 1984.
5. *Pinnow H.* A comparative study of the verb in the Munda languages // Studies in Comparative Austroasiatic Linguistics. Ed. N. Zide. Mouton, 1966.
6. *Donegan P.* Rhythm and vocalic drift in Munda and Mon-Khmer // Linguistics of the Tibeto-Burman Area. 1993. 16. 1.
7. *Coedès G.* Inscriptions du Cambodge. Paris: École Française D’Extrême-Orient, 1951–1966. V. 3–8.
8. *Long Siem.* Panhha vacanasapvitya khmae (Problèmes de lexicologie Khmère). Phnom Penh, 1999.
9. *Neukom L.* Santali. München: Linkom Europa, 2001.
10. *Roberts H.* A grammar of the Khassi language. London, 1891. Reprinted by Asian Educational Services, New Delhi; Madras, 2000.
11. *Milne L.* An Elementary Palaung Grammar. Oxford, 1921.
12. *Whitehead G.* Dictionary of the Car-Nicobarese language. Rangoon, 1925.
13. *Burenhult N.* Unitizer and nominalizer: the */n/* affix in Jahai // The Fifth International Symposium on Languages and Linguistics. Ho Chi Minh City. 2000, Nov. 16–17.
14. *Schebesta P., Blagden C.* Grammatical sketch of the Jahai dialect, spoken by a negrito tribe of Ulu Perak and Ulu Kelantan, Malay Peninsula // Bulletin of the School of Oriental Studies, University of London. V. 4. № 4. 1928.
15. *Banker E.* Bahnar Affixation // Mon-Khmer Studies I. Saigon, 1964.
16. *Kruspe N.* A Grammar of Semelai. Cambridge Grammatical Descriptions. Cambridge University Press, 2004.
17. *Падучева Е.В.* Выказывание и его соотносительность с действительностью. М.: Наука, 1985.

⁶ Исходная полипредикативность синтаксической структуры вопроса хорошо отражает сложную семантическую и коммуникативную структуру вопроса, как она описана в работе [17].